

О.А. Лавшук
Могилев, Беларусь

ТРАДИЦИОННЫЕ ЖАНРОВЫЕ ФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ БЕЛАРУСИ

Современная русскоязычная поэзия Беларуси полифонична, многожанрова, полистили- стична – тем и интересна. Она развивается в русле двух традиций – белорусской и российской поэзии, – что, естественно, сказывается и на ее жанровой природе. С одной стороны, большин- ство поэтических текстов составляют традиционные поэтические жанры (*стихотворения, по- эмы, сонеты, элегии* и др.), с другой – встречаются и экспериментальные стихи (*палиндромы, акrostихи, фигурные стихи* и т.д.), а также поэтические произведения, жанр которых не подда- ется классификации.

Предметом нашего рассмотрения стали тексты современных русскоязычных поэтов Бе- ларуси, размещенные, главным образом, в антологиях *«Современная русская поэзия Беларуси»* (2003), составленной Анатолием Аврутиным [5], и *«Освобожденный Улисс. Современная рус- ская поэзия за пределами России»* (2004), составленной Дмитрием Кузьминым [3], а также сти- хотворения в журнале *«Немига литературная»*. Антология А. Аврутина представляет собой первую в отечественной литературе попытку максимально широко представить творчество со- временных русских поэтов Беларуси за два предшествующих десятилетия. В книге – стихи 222 «наиболее ярко зарекомендовавших себя авторов», по мнению составителя антологии. Недос- татком данного издания является отсутствие сведений об авторах, а также небольшое количе- ство произведений одного поэта (иногда одно стихотворение), по которым трудно составить представление о его творческой манере и тем более о жанровом разнообразии.

Во второй антологии современную (после 1991 года) русскую поэзию Белоруссии пред- ставляют лишь девять поэтов (Светлана Бень, Вениамин Блаженный, Дмитрий Дмитриев, Еле- на Казанцева, Марина Куновская, Константин Михеев, Дина Сенникова, Дмитрий Стронец, Ви- талий Суриков). Правда, Д. Кузьмин представил того или иного автора набором текстов (5–10 произведений), а Вениамина Блаженного – даже 29, «не слишком для него характерных, но зато ярких и неожиданных, или в каком-то важном и интересном ракурсе трактующих саму тему диаспоры и поэта в ней» [3, 11–12]. Также в антологии содержатся краткие сведения об авто- рах, их публикациях, поэтических сборниках.

Жанровое разнообразие в творчестве того или иного поэта чаще всего зависит от желания поэкспериментировать в сфере различных жанровых форм, а также от личных пристрастий к какому-либо жанру. Существенным моментом является и тот факт, что иногда жанровые определения самими поэтами своих произведений отличаются от реально существующих в литературоведении понятий. Но полностью стереть жанровые границы, как оказалось, невозможно. Даже сейчас, когда никакие заранее предписанные нормы поэту не указ, некоторые группы стихотворений легко вычлняются из общего потока лирики – как по условным признакам, так и по природе самого поэтического высказывания.

Большинство стихотворений современные русскоязычные поэты Беларуси создают, если следовать за классификацией В.П. Рагойши, в традиционном, можно сказать, классическом для белорусской литературы русле философско-медитативной лирики. Это философская поэзия, суть которой составляют размышления поэтов о жизни и смерти («Мы пришли и уйдем...», «Все умирает – тело и сосна...» и др. А. Аврутина, «Кадлиш Алену Гинзбергу», «Январские стансы» К. Михеева, «Отец мне смастерил не саночки, а гроб...» В. Блаженного, «По тонкому, тонкому льду...» А. Душечкина-Климова, «Мне все, чем дорожил я, надоело...» А. Сарапкина и множество других), о любви («Предает любимый...» А. Аврутина, «Я тебя люблю по-настоящему» Е. Казанцевой, «Я мерзну без тебя...» О. Журавской, «Души окуроч...» О. Переверзевай, «Пока еще горит судьбы свеча...» В. Поликиной), о природе и человеке («Если нет на земле небожителю места...» Вениамина Блаженного, «Genius Loci» М. Куновской, «Ночная тишина» Ю. Сапожкова, «Белый вечер...» Л. Яшенко, «Нет ничего... Только лунные дужки...» А. Аврутина и др.).

Для стихотворений, относящихся к медитативной лирике, характерна поэтизация душевной сосредоточенности, размышления над загадочностью человеческой души. Они строятся как «непосредственные созерцания, индивидуализированные «умозрения», направленные к постижению сокровенных закономерностей бытия» [2, 520]. И хотя большинство стихотворений современных русскоязычных поэтов можно отнести к этой жанрово-тематической разновидности поэзии, как таковые характерные для нее жанры *элегий, оды, послания* мы наблюдаем достаточно редко. В XX веке *элегия* теряет жанровую отчетливость, и термин выходит из употребления, оставаясь лишь знаком традиции, и употребляется как заглавие циклов и отдельных стихотворений некоторых поэтов [2, 1228]. Однако элегическое начало характерно для многих стихотворений таких современных поэтов, как А. Сарапкин, А. Аврутин, В. Поликинина и др. Живучесть этого жанра в современной поэзии Беларуси неудивительна, поскольку «элегия» в переводе с греческого означает жалобная песня, а истоки белорусской литературной элегии – в народной песне, для которой также характерны грусть, тоска, «меланхолия из-за общественной несправедливости, семейного несчастья или личного горя» [4, 382].

Основные черты элегии – интимность, сентиментальность, мотивы разочарования, несчастливой любви, одиночества, бренности земного бытия – присущи стихотворениям Е. Агиной («Ох, какая тоска здесь бывает...», «Путь»), К. Михеева («Осень в провинции», цикл стихотворений «Паралипоменон»), А. Сарапкина («Мне все, чем дорожил я, надоело...», «Гораздо больше близких там, чем здесь...»), А. Аврутина («В двадцатом столетии...», «Что истинно?.. Бездомные глаза...», «Когда, поняв, что чувства перепуток...», «Мы пришли и уйдем...», «Дух сомнения...» и др.). Например, в стихотворении А. Аврутина звучат есенинские мотивы бренности человеческого существования:

...Но все проходит. Счастье и печаль
Вдаль уплывают белой струйкой дыма.
Лишь одного воистину мне жаль –
Что мчат года и все проходит мимо.

<...>

Однако в современной поэзии к традиционным элегическим темам добавляются размышления о неотвратимости зла, черствости людских душ, о тяготах бытовой неустроенности и суровой повседневности, а также о духовном кризисе человека в переходную эпоху рубежа веков (и даже тысячелетий). В этой ситуации многие поэты делятся своими размышлениями и сомнениями чаще всего с собратьями по перу, продолжая таким образом традицию идущего от Горация жанра *послания*. Являясь «стихотворным письмом» [2, 763], или, по определению В.П. Рагойши, «эпистолярно-публицистическим стихотворением, написанным в форме обра-

шения к какой-то реально существующей личности» [4, 351], *послание* становится удобной формой для размышлений автора о социально-политических, исторических или литературоведческих проблемах. К посланиям близок жанр *посвящения* – указание лица, которому предназначается или в честь которого написано данное произведение. Многие *посвящения* приобретают интимный характер, становятся выражением искренней дружбы и привязанности. И в *послании*, и в *посвящении* для автора важен адресат произведения. В современной русскоязычной поэзии эти жанры животворны («Сомолчалник, сопечальник...»), «Автодоровский переулочек», «И однажды услышится шепот травы...», «Мятежный Блок, тревожный Манделштам...» А. Аврутина, «Когда б не ты» Т. Красновой-Гусаченко, «Я пишу тебе письма на родину...» Т. Лейко, «С мутного глянца фото...» А. Лисицына, «Александр Сергеевич Пушкин...», «Осеннею веткой раскинулись рельсы...» И. Поглазова, «Ничего бы не случилось с нами...» Е. Полеес, «Путник» Э. Прибыльской, «Наталье Гончаровой», «Тадж-Махал» Ю. Сапожкова, «Я как огонь вошел...», «Давай собирать слова и строить дом...», «Давай себя развеселим...» Д. Строцева, «Посвящение переводчику» А. Скоринкина, *посвящения* А. Аврутину («По тонкому, тонкому льду...» А. Душечкина-Климова, «Я больше не могу молчать...» А. Павловской, «Не так уж много для счастья нужно...» В. Поликановой). В посланиях поэт может обращаться не только к человеку, но и к какому-либо месту, городу, предмету и т.п. («Санкт-Петербургу» А. Аврутин, «Беловежской пуще» Л. Лукша, «Осени меня, осень...» Н. Кислик).

Но чаще всего поэты обращаются к Богу, который является для них не неким судящим и карающим небожителем, а близким родственником, старшим наставником, мудрым, понимающим, оберегающим и сочувствующим. Может быть, поэтому так хочется спрятаться за Бога, довериться тому, кто должен все знать, инстинктивно найти попутчика, с которым не так страшно идти, потому что одиночество – слишком непосильная ноша, чтобы нести ее одному. И поэтому Бог изначально присутствует во всем. Послание, обращенное к Богу, традиционно называется *молитва*, и мы можем говорить о живучести этого жанра в современной русскоязычной поэзии Беларуси. Лирическая героиня «Молитвы» Н. Орловой молится «за дорогих своих детей», Т. Лебедевой – просит у Бога: «не дай совесть потерять», «чтоб не болела мать», «не дай казаться, но не быть», а также прощения за всех и за все:

Прости Господь
 Всех и за все, прости,
 Открой Господь
 Всем ищущим пути.

<Молитва>

А. Душечкин-Климов обращается к Богу в своей «Молитве» с просьбой о помощи («помоги ночь пережить.., помоги боль пережить.., помоги жизнь пережить...»). Подобная просьба звучит и в «Молитве» И. Бисева («Дай мне силы, Господь, и свою укрой плащаницей...»). А. Аврутин в своей «Молитве» просит охранить его «от жизни по чьим-то часам, от фальшивых молитв.., от носящих змею вместо сердца под черной сутаной, от искуса и нищеты...» Ему вторят Н. Наместников («Незнание – особая свобода – / дай, Господи, / чтоб обошла меня... / Дай небо отличить от неба – / а Судный день – / от прожитого дня...») и Г. Трестман:

Упаси меня, Боже,
 от смеха среди гибельных мест,
 Я – Иакова семья –
 отвел его чечевицы.
 Так избавь воспринять
 от соблазна спасительный крест...

...Упаси меня, Боже
 от страшных пророчеств Твоих,
 дай мне силы остаться превыше
 и проще пророчеств.

<...>

А для поэта Вениамина Блаженного – изгой, странника, скитальца духа – вообще характерно общение с Богом как с другом, старым знакомым: «Я трогаю Бога за древние пейсы, / Как трогает бороду лапкой котенка», или:

Ну что ты за человек, Господи,
Если с тобой ни о чем нельзя договориться?..
Начнешь говорить с тобой стихами,
А ты отвечаешь подзаборным матом.

<...>

Вся поэзия В. Блаженного – это разговор с Богом: «Я до сих пор не знаю, что такое стихи и как они пишутся. Знаю только – рифмованный разговор с Богом, детством, братом, родителями затянулся надолго, на жизнь», – говорит поэт в своей автобиографии «Вечный мальчик»:

Проснется мой Господь – и снова будет весел,
И бороду свою расчешет на ходу,
И спросит: – Где же тот, кто знает столько песен,
Кто знай себе дудит в дурацкую дуду?..

«Неправда, что Господь изгнал меня израя...»

А. Скоринкин обращается не к Богу, а к дубу в «Лесной молитве»: «Помоги мне, дубок, дай энергии мне / Буду помнить тебя до последнего стоны...»

У этого же поэта мы встречаем и довольно редкие сегодня жанры *эпитафии* («Эпитафия» памяти Сергея Гомзы) и *оды*. «Оде к попечителю» А. Скоринкина присущи все классические черты этого жанра – торжественность, патетика, высокий ораторский стиль и ориентация на античные образцы:

Тебе, любезный кардинал,
Дарю заоблачную песню!

Воздушный слог, волшебный звук...
Лети, возвышенная ода,
Ты заслужил, сердечный друг,
Почет и милость небосвода!
Сразив Мамона наповал,
Прекрасен ты и твой финал!

Менее эмоциональны, но не менее философичны современные русскоязычные поэты в таком уже традиционном для белорусской литературы жанре, как *сонет*. Например, «Сонет» А. Бородача написан на тему любви, имеет форму английского сонета (4+4+4+2) и развивается по традиционной схеме: тезис («исход борьбы был предопределен» в любовном треугольнике «я», «ты», «он») – развитие мысли («я рядом был, он прибыл издалека») – кульминация («ушла любовь на тряпки и посулы») – синтез («А не случись подобная измена / И не пришла б Прекрасная Елена»). Здесь уже чувствуется дыхание современности – тотальная ирония проникает даже в классические твердые формы стиха. В таком же ключе написан и «Сонет» Т. Лебедевой (на мечтательный лад лирического героя наводит уныло капаящая вода из крана).

Более традиционны поэты при создании *венков сонетов*. Как известно, венок сонетов состоит из пятнадцати связанных сонетов, последний 15-й – магистральный: каждая его строка представляет собой первую строку всех предшествующих ему 14-ти сонетов. Именно такую форму имеют венки сонетов А. Тереховой «Джоконда в Копенгагене», «Коромысельщик» и «Мёбиусный венк сонетов», состоящий из лицевого и оборотного магистрала, «Уроборок» Г. Артанова. Глеб Артанов, используя классическую форму сонета, все же достаточно авангарден и в рифмах, и в философской насыщенности (можно даже сказать сущности) своих стихотворений. Другие твердые формы стиха встречаются редко.

Современные русскоязычные поэты Беларуси, используя традиционные жанровые формы, наполняют их новым содержанием, экспериментируют в области жанра, что позволяет представить жанровую картину поэзии Беларуси во всем ее многообразии.

Литература

1. Азуртин, А.Ю. Наедине с молчанием: книга поэзии / А.Ю. Азуртин. – Минск : Маст. літ., 2007. – 303 с.

2. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М. : НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.
3. Освобожденный Улисс. Современная русская поэзия за пределами России / сост. Д. Кузьмин. – М. : Новое литературное обозрение, 2004. – 996 с.
4. Рагойша, В.П. Паэтычны слоўнік / В.П. Рагойша. – Минск. : Выш. шк., 1987. – 414 с.
5. Современная русская поэзия Беларуси : антология / А.Ю. Аврутин. – Минск : УП Технопринт, 2003. – 200 с.